

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЕКТОРЫ КИТАЙСКОГО ВЛИЯНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сергей РЯЗАНЦЕВ

доктор экономических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
заведующий кафедрой демографической и
миграционной политики МГИМО МИД России,
директор Института социально-политических исследований РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зафар ВАЗИРОВ

младший научный сотрудник Центра
социальной демографии Института
социально-политических исследований РАН,
аспирант кафедры Международных экономических отношений
Российского университета дружбы народов
(Москва, Российская Федерация)

Елена ПИСЬМЕННАЯ

доктор социологических наук,
доцент, профессор Финансового университета
при правительстве РФ,
главный научный сотрудник Института
социально-политических исследований РАН
(Москва, Российская Федерация)

Лейла ДЕЛОВАРОВА

преподаватель кафедры международных отношений и мировой экономики
Казахского национального университета имени аль-Фараби
(Алматы, Республика Казахстан)

Исследование проведено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых и по государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант № НШ-3781.2018.6).

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются новые формы влияния КНР на страны Центральной Азии, в том числе в экономическом, социокультурном и геополитическом аспектах. Выделены факторы, обеспечивающие рост влияния КНР на страны региона, в том числе экономический, социальный, демографический, этнорелигиозный. Исследуются особенности демографического развития КНР, России и стран Центрально-Азиатского региона. Анализируются влияние социально-экономических и демографических процессов на внешнюю политику Китая. Представлены объемы, динамика, отраслевые и региональные особенности китайских инвестиций в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане. Отмечается, что китайские инвестиции стали, по сути, новой формой реализации геополитических интересов

КНР в Центральной Азии и России. Выделены новые формы китайской миграции в условиях инвестиционной экспансии КНР.

Установлено активное участие китайских граждан в программах золотых виз в странах Европы и Средиземноморья. Отмечается, что зачастую трудовые мигранты следуют за потоками китайских инвестиций и бизнес-мигрантами, подкрепляя экономические и геополитические направления внешней политики КНР. В статье также рассматривается геополитическая, социокультурная и экономическая роль зарубежных общин китайцев в продвижении интересов страны. Дана оценка объемам денежных переводов от зарубежных китайских общин в КНР. Отмечается, что формы влияния Китая в современном мире становятся все более разнообразными.

**КЛЮЧЕВЫЕ
СЛОВА:**

Китай, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан, Центральная Азия, Россия, диаспора, миграция, китайские общины, денежные переводы, миграция, инвестиции.

Введение

Центральная Азия является геополитическим сердцем Евразии, к тому же она богата нефтью, природным газом и различными минеральными ресурсами. Неслучайно регион традиционно был объектом конкуренции великих держав. В начале XX века три страны — Англия, Китай и Россия — боролись за контроль в регионе. В настоящее время «большие» (США, КНР, Индия, Россия, Япония, Евросоюз) и «средние» (Турция, страны Ближнего Востока, Иран) игроки включились в активную геополитическую игру в Центральной Азии. Одним из самых активных и мощных игроков стал Китай, который использует различные инструменты влияния на страны Центральной Азии, в том числе экономические, социокультурные и геополитические.

Китайское правительство и бизнес-элита всегда прагматичны в установлении и укреплении отношений с пятью странами Центральной Азии и тщательно рассчитывают краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные интересы КНР в регионе¹. Краткосрочные интересы Ки-

¹ См.: Официальный сайт Фонда Карнеги за международный мир [https://carnegieendowment.org/regions/251].

тая изначально были сосредоточены на вопросе демаркации границы с особым акцентом на минимизацию прямого и косвенного вмешательства стран Центральной Азии в проблемы этнических меньшинств, проживающих в различных регионах КНР. Китай имеет достаточно протяженную границу со странами Центральной Азии: с Казахстаном — 1 782 км, с Кыргызстаном — 858 км, с Таджикистаном — 414 км. После распада СССР границы были определены лишь частично. Поскольку демаркацию границ КНР рассматривает как проблему национальной безопасности, было предпринято несколько попыток установить четкие границы между странами. В середине 1990-х годов с целью решения территориальных споров КНР с Таджикистаном, Казахстаном, Кыргызстаном и Россией была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В числе среднесрочных и долгосрочных задач в Центральной Азии КНР рассматривает усиление своего экономического влияния и укрепление сотрудничества в сфере безопасности. С точки зрения КНР, в Центральной Азии существует немало потенциальных и прямых угроз национальной безопасности, в том числе терроризм, экстремизм, фундаментализм, сепаратизм. В этой ситуации усиление китайского экономического и геополитического влияния на страны Центральной Азии становится стратегией действий КНР на опережение, которая позволяет нейтрализовать некоторые риски и получить очевидные экономические преимущества.

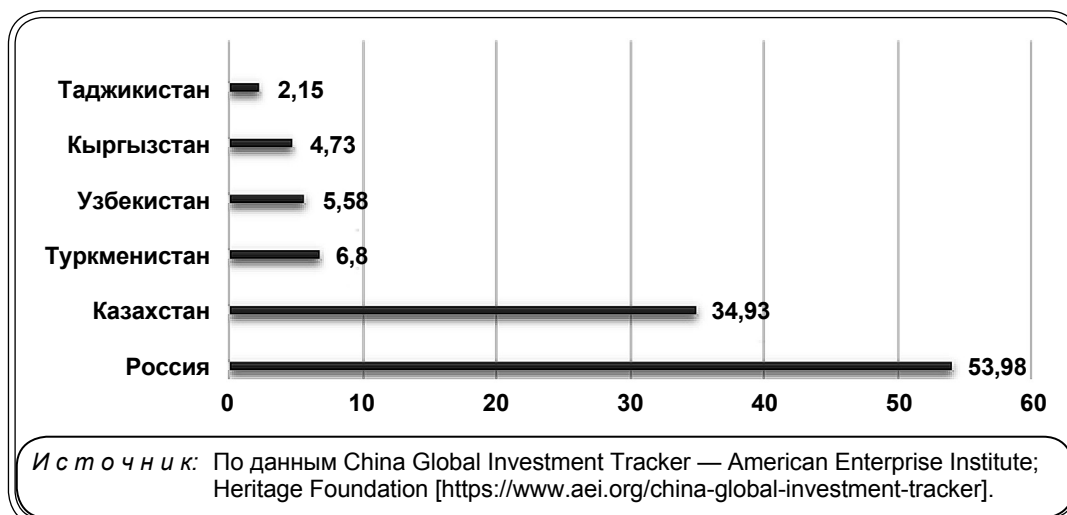
Факторы усиления и новые формы китайского влияния в Центральной Азии

Предпосылками усиления китайского влияния за пределами «материкового» Китая стали глубокие процессы, происходившие на протяжении последних лет внутри самой КНР. Рассмотрим их подробнее.

- Во-первых, *экономический фактор*. Устойчивый рост экономики КНР стал результатом планомерных и успешных экономических реформ, начавшихся в 1970-х годах. Согласно данным Национального бюро статистики КНР, в 2018 году ВВП страны составил 90,03 трлн юаней. В первом квартале 2018 года ВВП вырос на 6,8% в годовом исчислении, во втором — на 6,7%, в третьем — на 6,5%, в четвертом — на 6,4%.² В ходе реформ КНР был накоплен значительный инвестиционный потенциал, который теперь реализуется, в том числе и за рубежом. Новые инвестиционные возможности КНР совпали с потребностями стран Центральной Азии, которые остро нуждаются в притоке иностранных инвестиций. За 2005—2019 годы КНР инвестировала в страны Центральной Азии почти 54 млрд долл., в том числе в Казахстан — 34,9 млрд, в Туркменистан — 6,8 млрд, в Узбекистан — 5,6 млрд, в Кыргызстан — 4,7 млрд, в Таджикистан — 2,2 млрд. Китайские инвестиции в Россию составили около 54 млрд долл. (см. рис. 1).
- Во-вторых, *социальный фактор*, или изменения в социальной структуре китайского общества, которые последовали за экономическими реформами. С одной стороны, в результате приватизации большое количество работников остались без работы, внутренний рынок не смог их поглотить. С другой стороны, появился средний класс и

² См.: Официальный сайт Национального статистического бюро Китая [http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201901/t20190121_1645752.html].

Объем инвестиций из КНР в страны Центральной Азии и Россию
в 2005—2019 годах, млрд долл.

слой состоятельных (богатых) китайцев³. В условиях включения КНР в глобализационные процессы и усиления политики открытости у данных социальных слоев возросла мобильность, в том числе миграционная мобильность за пределы страны.

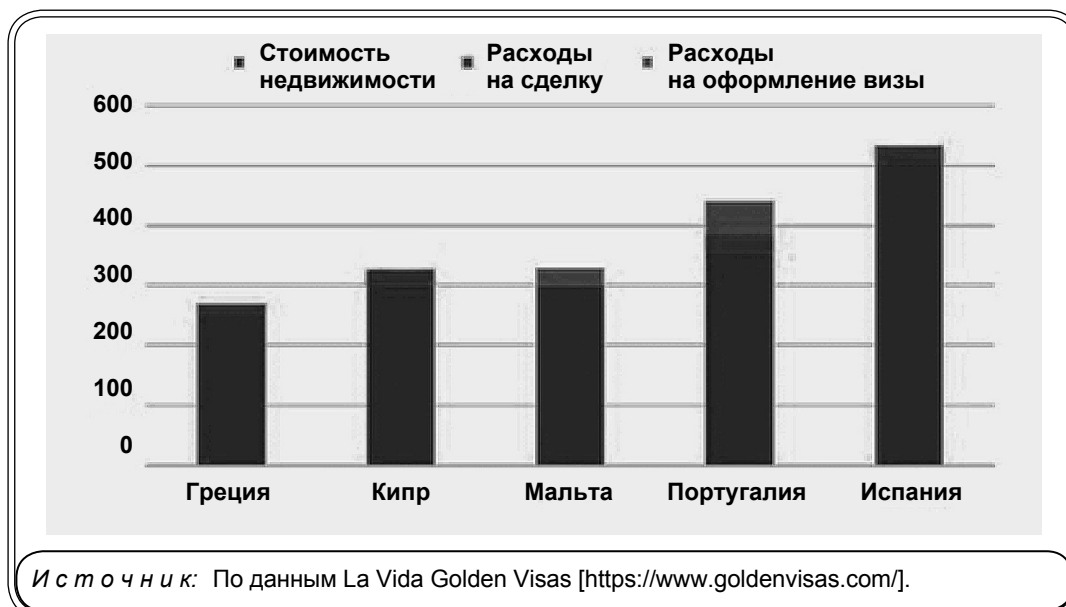
Как следствие, сформировались две новые тенденции китайской эмиграции. Высококвалифицированные и обеспеченные граждане КНР стали более активно выезжать в страны «богатого Севера» через каналы профессиональной, инвестиционной и бизнес-миграции. Состоятельные китайцы имеют множество вариантов для миграции в качестве инвестиционных и бизнес-мигрантов, инвестируя средства в недвижимость и бизнес в новых странах проживания (США, Канада, Австралия, Европа). Все программы в Южной Европе в качестве одного из вариантов предлагают инвестиции в недвижимость. В Испании минимальная стоимость объекта должна составлять 500 тыс. евро, в Португалии — 350 тыс. евро (если он построен более 30 лет назад или находится в зоне городской застройки). На Мальте нужно инвестировать параллельно от 250 тыс. евро в облигации и ценные бумаги и 60 тыс. евро в недвижимость (в зависимости от ее местоположения). Кипр предлагает вид на жительство в обмен на недвижимость стоимостью 300 тыс. евро, сверх того инвестор должен положить 30 тыс. на депозит в местном банке. Самую недорогую программу предлагает Греция: здесь вид на жительство можно получить, купив объект недвижимости по цене от 250 тыс. евро (см. рис. 2).

В результате в Греции с момента запуска программы «золотая виза» по состоянию на начало 2019 года 2 416 граждан КНР стали обладателями видов на жительство⁴. Высококвалифицированные китайские мигранты (профессора, инженеры, топ-менеджеры) также активно выезжают на работу по контрактам и обосновываются на постоянное место жительства в экономически развитых странах.

³ См.: Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества / Отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2012. С. 257—260.

⁴ См.: Официальный сайт Министерства Греции по миграционной политике [http://www.immigration.gov.gr/en_US/web/guest/elleniki-metanasteutiki-politiki].

Минимальные расходы на получение «золотой визы» в некоторых странах Южной Европы и Средиземноморья, тыс. евро

Кроме того, потоки низкоквалифицированных и неквалифицированных китайских мигрантов ориентированы на страны «бедного Юга» (например, страны Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки), то есть китайские рабочие следуют за китайскими инвестициями. И хотя низкоквалифицированные и неквалифицированные китайские мигранты должны вернуться в КНР через несколько лет, некоторым удастся задержаться в принимающих странах, приобретая другие миграционные статусы.

- В-третьих, *демографический фактор*. Несмотря на проведение ограничительной демографической политики «Одна семья — один ребенок» на протяжении многих лет, «демографическое давление» КНР не ослабевало. Гигантский демографический потенциал (1,4 млрд чел.) в комплексе с другими факторами порождает значительный миграционный потенциал. И он реализуется не только путем активизации внутренней миграции, но и через отток части трудоспособного и молодого населения за рубеж. КНР, занимая первое место по численности населения, как будто «демографически нависает» над соседней Центральной Азией и Россией, занимающими значительные территории с богатыми природными ресурсами, но сравнительно малозаселенные (см. табл. 1).
- В-четвертых, *этнорелигиозный фактор*. Национальная политика, проводимая КНР, имела неоднозначные последствия для этнических и религиозных меньшинств в этнических регионах страны. В частности, конфликт в Синьцзян-Уйгурском автономном районе привел к вынужденной эмиграции мусульман-уйгуров в Центральную Азию. Также активная репатриационная политика Казахстана, направленная на привлечение этнических казахов («оралманов»), стимулирована их переезд из КНР в Казахстан. И хотя нельзя говорить, что КНР заинтересована в этой форме эмиграции, но очевидно, что через эти каналы вместе с переселенцами также происходило рас-

пространение китайского влияния на страны Центральной Азии. Например, культурно-бытовые аспекты китайской жизни и быта проникали в повседневность населения стран региона.

Таблица 1

**Ключевые социально-демографические индикаторы КНР,
России и стран Центральной Азии**

Индикатор	Страны					
	КНР	Россия	Таджикистан	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан
Общая численность населения, млн человек (2018 г.)	1 400	144	8,9	18	6,2	32,4
Население в возрасте 0-14 лет, % (2017 г.)	17,7	25,8	35,3	27,9	31,8	28
Рейтинг индекса развития человеческого потенциала (2017 г.)	87	49	127	59	122	105
Уровень безработицы, % (2018 г.)	4,7	5,2	10,3	5,1	7,4	6,9
Уровень молодежной безработицы, % (2018 г.)	10,8	16,3	19,2	4,7	15,9	14,2
Доля населения, проживающего в городах, % (2017 г.)	58	74	27	57,3	36,1	50,5
ВВП на душу населения, долл. (2017 г.)	8 826,99	10 743,10	800,97	8 837,46	1 289,82	1 504,23
Источники: Составлено на основании данных МОТ, ПРООН, Всемирного банка [http://www.ilo.org/ilostat/faces/ilostat-home/home;ILOSTATCOOKIE=A10ljql7_6kiz7yvAIQOfBijr7lqpg2BY6PRrI8i2e4CUtkouhf!1567639201?_adf.ctrl-state=5w96ez0ns_4&_afrLoop=262615711648154&_afrLoop=2019859534736994&_afrWindowMode=0&_afrWindowId=null; http://hdr.undp.org/en/data; https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?end=2016&start=2015&view=map].						

Массовая эмиграция из Китая началась в середине XIX века, тогда основным направлением была Юго-Восточная Азия. Вплоть до конца Второй мировой войны большинство тамошних китайцев считали себя «хуацяо» (китайскими гражданами за границей), которые оставались политически и культурно лояльными к Китаю⁵.

В 1950—1980-х годах открылись новые направления китайской миграции — из КНР, Гонконга, Тайваня и стран Юго-Восточной Азии в Северную Америку, Австралию и Западную Европу. Китайские эмигранты стали отказываться от китайского гражданства и постепен-

⁵ См.: Liu H., Van Dongen E. The Chinese Diaspora // Oxford Bibliographies, 2013. 26 pp.

но стали «хуаренами» (этническими китайцами за рубежом), обещая преданность принимающим странам. Начиная с 1980 года большую часть общей китайской эмиграции стали составлять мигранты «Синь иминь» («новые мигранты» — более образованная, состоятельная, высокоомобильная и активная часть хуацяо: коммерсанты, студенты, квалифицированные работники и т.п.) из разных мест КНР.

Внешние инвестиции как новая форма реализации геополитических интересов КНР в Центральной Азии

В конце 1990-х годов инвестиции Китая в страны ЦА не превышали 1 млрд долл.⁶ и ограничивались нефтегазовым сектором. Спустя 10 лет их объем увеличился более чем в 20 раз, превратив Китай в главного финансового донора стран ЦА. Влияние Китая стало особенно заметным после кризиса 2008 года, когда традиционные спонсоры региона (Россия, США, Европа) столкнулись с собственными бюджетными проблемами.

При этом Китай использует в основном прямые инвестиции.

Самые масштабные вложения отмечались в Казахстане. Только в 2017 году был реализован 51 китайско-казахстанский проект на сумму 27 млрд долл., в том числе в наиболее «чувствительной» сфере двустороннего сотрудничества — сельском хозяйстве⁷. Казахстан идет навстречу Китаю и в решении демографической проблемы: расселил на своей территории вдоль пограничной полосы полтора миллиона китайских граждан — этнических казахов, которые, по убеждению китайской стороны, «стремятся жить на своей исторической родине». К тому же с 1991 года по 2014 год более 136 тыс. казахов из Китая получили статус оралмана (казахстанца-репатрианта)⁸.

Китай также является ключевым партнером Кыргызской Республики. При этом темпы роста китайско-кыргызского товарооборота превышают темпы российско-кыргызского. Следует отметить, что Кыргызстан заинтересовал КНР рядом довольно перспективных промышленных проектов. Так, в 2016 году правительство Кыргызстана отказалось от услуг российской фирмы «РусГидро» по строительству Камбаратинской ГЭС-1. Китай рассматривает кыргызское предложение как успешный шаг для достижения положительных результатов в решении энергетических проблем этой страны. Китайская сторона заинтересована также в импорте сельскохозяйственных продуктов животного происхождения (в частности, молока), в связи с чем планирует к 2020 году построить в Чуйской области Кыргызстана крупный агропромышленный комплекс «Звезда Азии» площадью 4,6 кв. км, который будет обеспечивать КНР органической продукцией.

Среди двусторонних документов, заключенных странами в последнее время, привлекают внимание соглашение о технико-экономическом сотрудничестве, предусматривающее со-

⁶ См.: Чуфрин Г.И. Инвестиционное наступление Китая в Центральную Азию // Экономическое обозрение, 2012, № 4. С. 54.

⁷ См.: Рязанцев С., Тер-Акопов А., Письменная Е., Лукьянова А. Диаспоры как неформальный инструмент регулирования миграции в Евразийском экономическом союзе // Центральная Азия и Кавказ, 2017, Том 20, Выпуск 3. С. 38—47.

⁸ См.: Chuanglin F., Danlin Yu. China's New Urbanization: Developmental Paths, Blueprints and Patterns. Springer, 2016. 329 pp.

вместную эксплуатацию газопровода Кыргызстан — Китай; сотрудничество в сфере охраны здоровья, позволяющее широко привлекать опыт традиционной медицины Китая; кредитное соглашение по строительству автомагистрали Север — Юг о предоставлении Кыргызстану кредита в 10 млн долл.

Активную позицию занимает Китай и в отношениях с Туркменистаном, торговый оборот с которым достиг в 2017 году 14,8 млрд долл. Основу экспорта Туркменистана в Китай традиционно составляет природный газ, поставляемый в рамках совместно реализованного в 2009 году инвестиционного проекта — магистрального газопровода, протянутого от месторождения Самандеде.

Первую позицию по объемам торгового оборота занимает Китай в сотрудничестве с Узбекистаном (УзР). Данный показатель в 2017 году составил 3,2 млрд долл. — 22,7% всего объема товарооборота страны. Сотрудничества КНР и УзР активизировалось с 2014 года благодаря достигнутым договоренностям президента УзР Ислама Каримова с китайским руководством. В то время стороны подписали амбициозный пятилетний экономический план — «Программу развития отношений стратегического партнерства на 2014—2018 гг.». Ведущим направлением упомянутого плана является реализация китайско-узбекского проекта сотрудничества в добыче и переработке урановых руд.

По объему узбекского экспорта Китай занимает вторую позицию (после Швейцарии). По официальным данным, в Узбекистане действует более 500 совместных предприятий, созданных при участии китайского капитала, а также представительства 70 компаний КНР. Совокупный объем китайских инвестиций в экономику УзР в 2019 году составил 5,58 млрд долл. (см. табл. 2).

Таблица 2

**Сферы вложения инвестиций Китая в страны ЦА
за 2005—2019 годы**

Страна	Объем инвестиций, долл.	Ключевые сферы вложения инвестиций
Казахстан	24,8 млрд	Энергетика
	3,68 млрд	Транспорт
	3,68 млрд	Химические препараты
	2,33 млрд	Металлы
	350 млн	Сфера недвижимости
Кыргызстан	2,89 млрд	Энергетика
	1,69 млрд	Транспорт
	150 млн	Металлы
Узбекистан	3,49 млрд	Энергетика
	610 млн	Сфера недвижимости
	460 млн	Транспорт
	440 млн	Химические препараты
	290 млн	Сельское хозяйство
	190 млн	Металлы
	100 млн	Другие отрасли

Продолжение таблицы 2

Страна	Объем инвестиций, долл.	Ключевые сферы вложения инвестиций
Таджикистан	750 млн	Энергетика
	560 млн	Транспорт
	540 млн	Металлы
	300 млн	Сфера недвижимости
Туркменистан	6,8 млрд	Энергетика
Источники: Составлено авторами на основании данных China Global Investment Tracker — American Enterprise Institute; Heritage Foundation [https://www.aei.org/china-global-investment-tracker].		

Несмотря на то что в Таджикистан вложен наименьший объем инвестиций, в стране функционируют более 70 предприятий с китайским капиталом и около 200 китайских компаний. Инвестиционное и торговое сотрудничество между Китаем и Таджикистаном растет с 2004 года, с этого момента китайские компании активно реализуют различные проекты в Таджикистане. Например, китайская дорожно-мостовая корпорация реконструировала автомагистраль Душанбе — Кульма — Карасу, которая соединяет столицу с контрольно-пропускным пунктом на таджикско-китайской границе. Компания «Синогидро» перестроила автомагистраль из Душанбе к границе с Кыргызстаном и профинансировала исследования предлагаемых мест строительства гидроэлектростанций в Таджикистане. Развитие трансграничного автотранспортного коридора между Душанбе и Кашгаром ясно говорит о начале развития интеграционного транспортно-экономического коридора. Автомобильная дорога дает Китаю выход в Афганистан и Иран, а Таджикистану — в КНР, Индию и Пакистан. В 2006 году и 2013 году в Таджикистане при участии китайских компаний было построено и сдано в эксплуатацию 1 700 км дорог, 31 км туннелей⁹.

Китайские коммуникационные компании «Huawei Technologies» и ZTE активно участвуют в модернизации информационно-коммуникационного сектора. Иногда китайские компании реализуют различные социальные и образовательные программы; например, «Huawei» оборудовала четыре средние общеобразовательные школы компьютерами. «Huawei» совместно с МВД Таджикистана в целях контроля общественного порядка и безопасности участников дорожного движения на дорогах Душанбе сдали в эксплуатацию Центр автоматизированного управления дорожного движения «Безопасный город», который функционирует при УГАИ МВД РТ. Центр фиксирует правонарушения специальными техническими средствами, контролирует систему светофоров, регулирует дорожное движение, осуществляет поиск транспортных средств и видеонаблюдение на дорогах¹⁰.

Важным направлением китайско-таджикского торгово-экономического сотрудничества является двухсторонняя торговля. В 1993 году объем торговли между странами составлял всего лишь 9 млн долл., а в 2003-м достиг 39 млн долл. В 2016 году товарооборот составил уже 885 млн долл.¹¹ В таджикском импорте из КНР преобладают текстильные изделия и прочие

⁹ См.: Рязанцев С.В., Вазиров З.К. Китайская миграция в Республике Таджикистан. Сборник: Миграционное взаимодействие России со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Серия «Демография. Социология. Экономика». М., 2018. С. 94—98.

¹⁰ См.: Официальный сайт Huawei [<https://www.huawei.com/kz/press-events/news/kz/2018/sistema-bezopasnyi-gorod-v-dushanbe-c-ikt-huawei>].

¹¹ См.: Макроэкономические показатели // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан [<https://stat.tj/ru/macroeconomic-indicators>].

товары повседневного спроса, спецоборудование и машинно-технические изделия, продукты питания и аграрно-сырьевые материалы. В настоящее время структура импорта из КНР представлена 2 тыс. наименований.

С участием КНР также были сданы в эксплуатацию Душанбинские ТЭЦ-1 и ТЭЦ-2. Китайский капитал присутствует и в других секторах, включая добычу и переработку полезных ископаемых (свинец, цинк и золото), транспорт, услуги. Как считают власти Таджикистана, китайский капитал способствует развитию экономики и достижению стратегических целей Таджикистана в области развития транспорта и энергетической безопасности. Однако существуют значительные риски столь масштабного и активного участия КНР в экономике страны.

Прежде всего, в настоящее время на КНР приходится около 50% общей суммы внешнего долга Таджикистана (более 1 млрд долл.)¹². Помимо этого, при реализации экономических проектов в большинстве случаев китайские компании используют собственных специалистов и рабочих. Можно предложить следующее объяснение данной ситуации. Китайские трудовые мигранты следуют параллельно с китайскими инвестициями — это одно из главных требований КНР при инвестировании средств. Кроме того, китайцы дисциплинированы, трудолюбивы и обходятся дешевле инвесторам и работодателям. Взаимосвязь китайских инвестиций и миграции была рассмотрена нами подробно в одной из предыдущих работ¹³. Зачастую соглашения об инвестировании и сотрудничестве уже содержат пункты об обязательном привлечении китайских рабочих.

В конце 2018 года Китай и Таджикистан подписали соглашение об инвестировании Китаем строительства правительственного и парламентского комплексов в Душанбе на сумму 200 млн долл. При этом строительство объектов будут вести китайские трудовые мигранты¹⁴.

В начале 2019 года в Главном управлении геологии Таджикистана сообщили, что китайская компания ТВЕА получила лицензию на строительство еще одного золотодобывающего предприятия на севере Таджикистана. Строительство будет продолжаться в течение двух-трех лет с привлечением китайских инженеров и рабочих¹⁵.

Американская газета «Вашингтон пост» в 2019 году опубликовала статью, в которой отмечается, что в Мургабском районе ГБАО Таджикистана есть китайская военная база. Приводятся интервью, спутниковые изображения, фотографии, наблюдения журналиста «Вашингтон пост»¹⁶. Однако через несколько дней в таджикстанской прессе было опубликовано опровержение того, что Китай построил для Таджикистана военные объекты (погранзаставы) в рамках соглашения 2016 года. Также МИД Таджикистана заявлял, что на территории страны нет китайских военных баз. При этом другие источники сообщают, что жители Мургаба почти каждый день встречают китайских военных на местных рынках, а на военных объектах подняты таджикский и китайский флаги¹⁷. Китайское правительство не комментирует данный вопрос.

¹² См.: Данные Таджстата // Внешнеэкономическая деятельность Республики Таджикистан, Душанбе, 2017. С. 5—6.

¹³ См.: Рязанцев С., Маньшин Р., Вазиров З., Каримов М. Влияние Китая на общественно-экономическое развитие стран Центральной Азии: формы и последствия // Центральная Азия и Кавказ, 2018, Том 21, Выпуск 1. С. 19—27.

¹⁴ См.: Азия плюс. Пресс-служба Министерства экономического развития РТ [<https://www.news.tj/ru/news/tajikistan/society/20180919/kitai-vse-zhe-dast-deneg-na-vozvedenie-parlamentskogo-i-pravitelstvennogo-kompleksov-tadzhikistana>].

¹⁵ См.: Avesta [<http://avesta.tj/2019/02/01/tvea-v-etom-godu-nachnet-stroitelstvo-zolotodobyvayushhego-predpriyatiya-na-severe-tadzhikistana/>].

¹⁶ См.: In Central Asia's Forbidding Highlands, A Quiet Newcomer: Chinese Troops // The Washington Post [https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?noredirect=on&utm_term=.cd073fa74412].

¹⁷ См.: Азия плюс [<https://news.tj/ru/news/tajikistan/security/20190221/the-washington-post-prinyala-tadzhikskuyu-pogranzastavu-v-murgabe-za-voennii-obekt-kitaya-istochnik>].

Несмотря на противоречивость информации, можно отметить, что масштабные китайские инвестиции, при всех плюсах для экономического развития, создают определенные геополитические риски для стран Центральной Азии, прежде всего в приграничных районах.

Инвестиции и новые формы китайской миграции в страны Центральной Азии

В последние десятилетия Китай стал не только источником, но и страной назначения для мигрантов. В 2017 году около 10 млн китайских мигрантов жили и работали за границей, в самом же Китае было зарегистрировано около 1 млн международных мигрантов (см. табл. 3).

Таблица 3

Ключевые показатели международной миграции в Китае и странах Центральной Азии в 2017 году

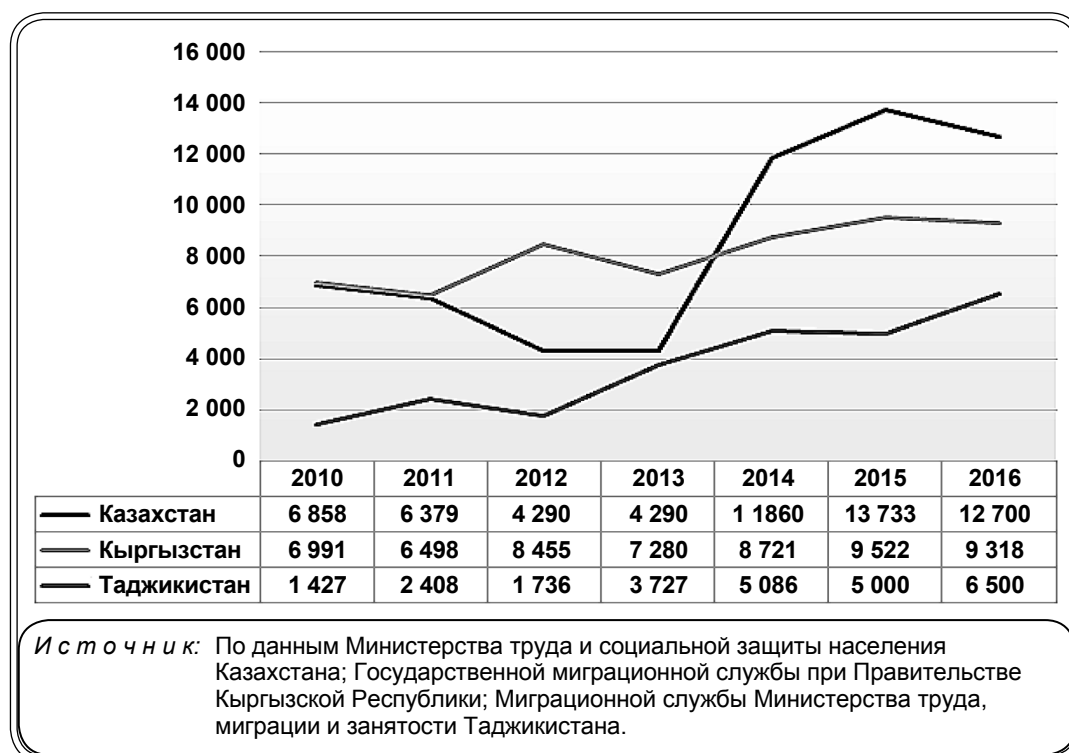
Показатель	Страны				
	КНР	Таджикистан	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан
Накопленная численность иммигрантов, тыс. человек	999,5	273,3	3 600	200,3	1 200
Доля иммигрантов в общей численности населения, %	0,1	3,1	20	3,3	3,6
Сальдо миграции за 2012—2017 годы, тыс. человек	–1 600	–100	0	–100	–44,3
Доля женщин-мигрантов, %	38,6	56,9	50,4	59,6	53,4
Накопленная численность эмигрантов, тыс. человек	10 000	578,5	4 100	760,1	2 000
Изменение доли мигрантов в общей численности населения в 1995—2017 годах, %	0	–1,8	0,9	–4,6	–2
Доля иммигрантов 19 лет и моложе, %	29,7	10,6	21,1	13,8	14,1
Доля иммигрантов 65 лет и старше, %	10,7	27,1	15,3	21,7	28,8
Численность беженцев в стране, тыс. человек	321,7	2,5	0,6	0,3	0,02
Численность беженцев из страны, тыс. человек	207,7	1,4	2,5	2,8	3,4
Источники: По данным Департамента народонаселения ООН, УВКБ ООН, 2018 [https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml ; http://popstats.unhcr.org/en/persons_of_concern].					

Современная экономическая и миграционная политика стран Центральной Азии ведет к парадоксальной ситуации. С одной стороны, рабочая сила из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана массово мигрирует на работу в Россию, Казахстан, Корею, на Ближний Восток, в Европу. А с другой стороны, вновь создаваемые рабочие места в странах Центральной Азии занимают китайские граждане. То есть увеличение объемов китайских инвестиций в регион не приводит к увеличению занятости местного населения.

Также в начале 2000-х годов возникла бизнес-миграция в страны Центральной Азии, которая стала следствием укрепления экономического сотрудничества между КНР и странами региона. Лидером по численности китайских трудовых мигрантов является Казахстан (см. рис. 3). На втором месте находится Кыргызстан. Здесь китайская рабочая сила используется на различных масштабных инфраструктурных проектах, таких как кыргызско-китайский газопровод в Ошскую область, кольцевая автодорога в Иссык-Кульской области, альтернативная автодорога Север — Юг и объездные дороги в Баткенской области, ТЭЦ в Бишкеке, НПЗ и завод по добыче золота в Чуйской области¹⁸.

Рисунок 3

**Китайская трудовая миграция в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане,
2010—2016 гг., человек**

Таджикистан хотя и занимает среди стран Центральной Азии последнее место по привлечению китайской рабочей силы, темпы ее роста растут. По данным Миграционной службы Министерства труда, миграции и занятости населения Таджикистана, численность китайских

¹⁸ См.: Официальный сайт Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики [<http://ssm.gov.kg/>].

мигрантов в 2016 году увеличилась на 30% по сравнению с предыдущим годом. Состав китайских специалистов в Таджикистане в настоящее время варьируется от топ-менеджеров, инженеров и предпринимателей до низкоквалифицированных работников.

Принимая на работу китайских высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих, страны Центральной Азии частично удовлетворяют острую потребность своих экономик в трудовых ресурсах за счет снижения качества образования и массового оттока специалистов за границу. Однако привлечение китайских специалистов, покрывая дефицит на рынке труда, не способствует в итоге росту занятости местного населения и удержанию на родине потенциальных эмигрантов.

Социокультурная и миграционная политика в контексте внешней политики КНР

В 1990-х годах внешняя политика КНР была нацелена на формирование стабильной международной обстановки, способствующей экономическому развитию самого Китая и его ближайшего окружения. Теперь правительство КНР уделяет внимание управлению миграцией не только с точки зрения рынка труда, но и с точки зрения геополитических интересов государства.

В конце XX века наблюдалось резкое увеличение объема и форм «китайской внешней экспансии», которая стала осуществляться в русле концепции «идти вовне». Одними из первых на пути реализации новой китайской внешней политики оказались государства Центральной Азии.

Важнейшим инструментом реализации концепции «идти вовне» стала стимулируемая, а в отдельных случаях и организованная китайская эмиграция и активное стимулирование формирования китайских сообществ и бизнесов в сопредельных странах, которые сопровождались также усилением экономического и социокультурного влияния Китая.

Фактически китайская миграция сопровождается распространением китайской культуры, философии, традиций, товаров, науки, технологий, дизайна, медицины, кухни, продуктов питания. Наиболее визуализируемыми объектами китайского присутствия становятся китайские бизнесы, рестораны, рынки, чайна-тауны, институты и аудитории (классы) Конфуция. В настоящее время в мире насчитывается 548 институтов Конфуция (125 в 34 азиатских странах (регионах), 59 в 43 африканских странах, 182 в 41 европейской стране, 161 в 24 американских странах, 21 в 5 океанских странах) и 1 193 аудитории Конфуция (114 в 22 азиатских странах, 41 в 18 африканских странах, 341 в 30 европейских странах (регионах), 595 в 9 американских странах и 102 в 4 океанских странах)¹⁹. В том числе в Центральной Азии и России открыты институты и аудитории Конфуция для продвижения китайского языка и культуры (см. табл. 4).

С 2002 года министерства общественной безопасности, человеческих ресурсов и социального обеспечения, образования и транспорта КНР совместно выпустили заявление о разрешении частным компаниям содействовать эмиграции китайских граждан и выступать в качестве коммерческих посредников²⁰. В 2008 году Министерство торговли КНР приняло на себя ответственность за вопросы трудовой миграции. Министерство общественной безопасности КНР контролирует деятельность агентств по выезду и въезду, которые обычно исполь-

¹⁹ См.: Доклад Института Конфуция // 全球孔子学院 (课堂) 分布 2018, 2018 [<http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/>].

²⁰ См.: Официальный сайт МИД КНР // 支持中欧人员往来和移民领域对话项 [https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_681966/zghgzz_681970/t1266605.shtml].

зуют китайцы для эмиграции. Агентам или компаниям, которые работают в сфере трудовой миграции, не разрешается заниматься бизнесом, связанным с образовательной миграцией²¹.

Таблица 4

**Количество институтов и аудиторий Конфуция
в России и Центральной Азии в 2019 году**

Страна	Количество институтов Конфуция	Количество аудиторий Конфуция	Итого
Россия	19	5	24
Казахстан	5	1	6
Кыргызстан	4	21	25
Таджикистан	2	2	4
Узбекистан	2	0	2
<i>Источники:</i> Доклад Института Конфуция // 全球孔子学院 (课堂) 分布, 2018.			

Китай придает большое значение не только процессу эмиграции и защите прав и интересов китайских граждан за границей. Власти КНР противодействуют торговле людьми и незаконной иммиграционной деятельности. Китайские посольства и консульские учреждения оказывают поддержку, в том числе материальную, в обустройстве китайских граждан в принимающих странах.

В ответ на растущую мобильность КНР предприняла шаги по усилению своего участия в международном управлении миграцией путем укрепления регионального и международного сотрудничества по вопросам миграции. Также КНР придает большое значение международному сотрудничеству в области иммиграции и активно участвует в таких направлениях регулирования иммиграции, как Глобальный форум по миграции и развитию, Балтийский процесс и процесс Коломбо²².

В декабре 2018 года Китай поддержал принятие Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции. Ввиду того, что Китай становится заметным участником глобальных миграционных дебатов, работа Международной организации по миграции в стране затрагивает почти все аспекты миграции, от содействия мобильности людей до предотвращения и борьбы с нерегулируемой миграцией и торговлей людьми²³.

Геополитическая и экономическая роль зарубежных китайских общин

В настоящее время этнические китайцы проживают более чем в 150 странах мира. Обычно их называют собирательным обозначением «заморские китайцы». Это порядка шестидесяти миллионов этнических китайцев, проживающих за пределами материкового Китая, а также

²¹ См.: Брошюра о диалоге ЕС — Китай по проекту поддержки миграции и мобильности // MOT [https://www.ilo.org/beijing/what-we-do/publications/WCMS_421619/lang-en/index.htm].

²² См.: 中国代表团团长吴海龙大使在国际移民组织第106届理事会会议上的发言 [<http://www.china-un.ch/chn/hyyfy/t1319871.htm>].

²³ См.: Официальный сайт Международной организации по миграции [<https://www.iom.int/countries/china#dr>].

Гонконга, Тайваня, Макао²⁴. Зарубежные китайские общины имеют достаточно сложную структуру, состоят из представителей различных миграционных волн, социальных слоев, выходцев из различных регионов Китая. Но несмотря на все свое многообразие, зарубежные китайские общины стали важным фактором и даже «точками опоры» китайской внешней политики КНР.

Обзор Всемирного банка по миграции и развитию в 2018 году показал, что объемы денежных переводов в глобальном масштабе составили 689 млрд долл. Их рост был обусловлен усилением экономической активности и улучшением занятости в США, а также восстановлением внешних потоков из некоторых стран, входящих в Совет сотрудничества стран Персидского залива. Объемы денежных переводов в 2018 году в страны с низким и средним уровнем дохода достигли 529 млрд долл. и значительно превышали потоки прямых иностранных инвестиций — 344 млрд долл. Объем денежных переводов мигрантов в страны Восточной Азии в 2018 году вырос на 7%. Основными странами-получателями денежных переводов от мигрантов в 2018 году были Индия (79 млрд), КНР (67 млрд), Мексика (36 млрд), Филиппины (34 млрд) и Египет (29 млрд долл.)²⁵. Таким образом, КНР занимала второе место в мире по объемам получаемых денежных переводов от мигрантов. Китайские мигранты активно поддерживают родственников и вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие КНР.

З а к л ю ч е н и е

На международном уровне китайские мигранты становятся все более мобильными. Во всех странах Центральной Азии китайский вопрос все острее встает в политической и экономической жизни. Китайско-центральноазиатское торгово-экономическое сотрудничество наглядно демонстрирует стремление КНР к мирному развитию. Китай считает себя все более активным партнером в странах Центральной Азии, демонстрирует значительное повышение интереса к региону.

Китай рассматривается как доброжелательная держава, предлагающая гранты и кредиты более бедным государствам (Кыргызстану и Таджикистану) и открывающая возможности для экспорта нефти и газа из сильных стран (Казахстана, Узбекистана и Туркменистана), обеспечивая при этом конкуренцию между ними. КНР предоставляет кредиты на чрезвычайно выгодных условиях, например с возможностью отсрочки платежей на 10—15 лет, чего не могут себе позволить другие державы. Китай также склонен использовать свою собственную рабочую силу для строительства объектов, которые он же и инвестирует.

Китай рассматривает государства ЦА как важнейший буфер для стабилизации и развития своего Синьцзянского региона, чье уйгурское население имеет религиозные и культурные связи с населением в соседнем Узбекистане и Кыргызстане, поэтому неудивительно, что китайское правительство опасается уйгурских сепаратистов, которые способны объединить свои силы с исламскими экстремистами. Эти факторы заставили КНР расширить пограничное и разведывательное сотрудничество не только со странами Центральной Азии (Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном), но и с Российской Федерацией. При этом Китай урегулировал спорные границы и внес вклад в демилитаризацию приграничных зон, а также предпринял меры по укреплению доверия с соседями, что в конечном счете поспособствовало развитию отношений в рамках ШОС.

Китай будет по-прежнему приобретать энергетические активы и стратегические природные ресурсы. И выигрывать почти все тендеры на строительство важных объектов. Китай и

²⁴ См.: China, International Organization for Migration [<https://www.iom.int/countries/china>], 20 March 2019.

²⁵ См.: Официальный сайт Всемирного банка [<http://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/04/08/record-high-remittances-sent-globally-in-2018>].

Центральная Азия соединены друг с другом не только географией, экономикой и историей, но и глубокими миграционными связями. В ходе исследования выявлено три этапа эволюции китайской эмиграции, а также факторы, стимулирующие китайцев эмигрировать. Нужно также принять во внимание, что в ходе развития стратегии «Один пояс — один путь» Китай, Таджикистан и остальные страны Центральной Азии будут расширять сотрудничество в области энергетики, инфраструктуры, сельского хозяйства и в других отраслях, что, безусловно, влечет за собою миграцию (во всех смыслах этого термина).
